



ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Исламский фактор в мировой политике

THEMATIC DOSSIER: Islamic Factor in World Politics

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-533-544

Научная статья

Религиозная дипломатия в урегулировании афганского конфликта: возможности и ограничения

Е.А. Крашенинникова

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

Research article

Religious Diplomacy in the Settlement of the Afghan Conflict: Opportunities and Limitations

E.A. Krasheninnikova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

В статье анализируется потенциал религиозной дипломатии в урегулировании афганского конфликта. В российском и зарубежном исследовательском дискурсах освещаются значимость и примеры использования религиозных каналов в качестве инструмента по снижению напряженности и урегулированию конфликтов. Однако акцент делается преимущественно на западной практике работы специализированных институтов (преимущественно христианских) по предотвращению эскалации существующих конфликтов. Настоящая статья, в свою очередь, ориентирована на анализ ранее подробно не изученных в литературе примеров внешнеполитических инициатив исламских религиозных деятелей в современном Афганистане.

Рассматриваются актуальные примеры деятельности афганских богословов в национальном и международном форматах по мобилизации международного осуждения силовых методов борьбы движения «Талибан» (ДТ) (запрещено в РФ) против правительства Исламской Республики Афганистан (ИРА). На основе анализа аналитических докладов и публикаций в средствах массовой информации делается вывод о том, что цели правительства в Кабуле по привлечению поддержки со стороны мусульманского мира с помощью использования влияния афганских религиозных кругов были достигнуты лишь частично, так как не удалось добиться единогласного осуждения деятельности ДТ. Религиозная дипломатия официального афганского духовенства вынуждена конкурировать с религиозными деятелями ДТ, которые поддерживают самостоятельные контакты с исламскими общинами других стран. Однако при оценке перспектив дальнейшего использования религиозных каналов для снижения недоверия и международной напряженности делается вывод о востребованности данного инструмента в налаживании конструктивного диалога с обществами стран исламского мира, преодолении кризиса доверия и подготовке благоприятной среды для будущего политического диалога.

Автор утверждает, что использование миротворческого потенциала ислама в урегулировании афганского конфликта имеет как возможности, так и ограничения в силу сложившейся международно-политической ситуации вокруг Афганистана.

Ключевые слова: религиозная дипломатия, Исламская Республика Афганистан, движение «Талибан», международные исламские конференции, урегулирование афганского конфликта, публичная дипломатия

© Крашенинникова Е.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Крашенинникова Е.А. Религиозная дипломатия в урегулировании афганского конфликта: возможности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 533—544. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-533-544

Abstract. The article analyzes the potential of religious diplomacy in the settlement of the Afghan conflict. The Russian and foreign research discourses highlight the importance and examples of using religious channels as a tool of reducing tensions and resolving conflicts. However, the emphasis is mainly done on the Western practice of specialized (mainly Christian) institutions in preventing the escalation of existing conflicts. This article, in turn, is focused on the analysis of the latest, previously not studied examples of foreign policy initiatives of Islamic religious leaders in post-conflict Afghanistan.

Current examples of the activity of Afghan theologians in national and international formats in mobilizing international condemnation of the methods of force against the government of the IRA are discussed. Based on the analysis of expert comments and reports of the media, it is concluded that the main task of the Afghan religious diplomacy to attract the support of the official Afghan authorities in Kabul from the Muslim world was only partially reached, since it was not possible to achieve a unanimous condemnation of the Taliban movement activities. However, in assessing the prospects for further use of religious channels to reduce mistrust and international tension, the author concludes that this tool is in demand in establishing a constructive dialogue with the societies of the Islamic world, overcoming the crisis of trust and preparing a favorable environment for future political dialogue.

The author argues that the use of the peacekeeping potential of Islam in the settlement of the Afghan conflict has both potential and limitations due to the current international political situation around Afghanistan.

Key words: religious diplomacy, Islamic Republic of Afghanistan, Taliban movement, international Islamic conferences, Afghan conflict resolution, public diplomacy

For citation: Krashennnikova, E.A. (2019). Religious Diplomacy in the Settlement of the Afghan Conflict: Opportunities and Limitations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (4), 533—544. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-4-533-544

Религиозная дипломатия — недостающее измерение государственного управления; существует настоятельная необходимость вовлечения религиозных лидеров в дипломатию, особенно когда религия воспринимается как источник проблемы.

Д-р Бава Джайн,
Генеральный секретарь
Всемирного совета религиозных лидеров

Процессы глобализации и расширение круга участников афганского конфликта, который длится уже почти сорок лет с 1970-х гг., продемонстрировали, что механизмы классической дипломатии в сложившихся мирополитических условиях не выполняют свои функции, что открывает новые возможности для участия негосударственных акторов в процессах урегулирования.

Инкорпорация религии во всем многообразии ее проявлений во внешнеполитической деятельности государства в англоязычном исследовательском дискурсе была описана двумя терминами: «дипломатия, основанная на вере» (*faith-based diplomacy*) и менее частотный вариант «религиозная дипломатия» (*religious diplomacy*). Если термин «религиозная дипломатия» относится к инициативам религиозных институтов, то «дипломатия на основе веры» описывает посредничество религиозных институтов, а также частных лиц между враждующими сторонами [Корний-

чук 2016]. Представляется, что религиозная дипломатия может быть отнесена к сфере дипломатии «второго трека» (*track two diplomacy*), которая предполагает участие религиозных, политических, племенных лидеров и обладает влиянием на лиц, принимающих решения [Mapendere 77], или экспертной дипломатии [Генюш 2012], представляющей собой неформальное взаимодействие негосударственных акторов, неправительственных НПО, частных лиц в международной сфере. Экспертная дипломатия коррелирует с целями и задачами официальной дипломатии, которая делегирует отдельные задачи и формулирует «повестку дня» на «втором треке» [Никитина 2017: 112—127]. Таким образом, религиозная дипломатия может быть обозначена как набор механизмов, с помощью которых государство задействует международные связи религиозных институтов и акторов для достижения прагматичного национального интереса [Curanovic 2012].

Прообразом современной дипломатии «второго трека» на территориях современной Центральной Азии и Афганистана являлись исламские школы и суфийские ордены, распространившие свое влияние в крупных городах региона, которые с XV в. находились под контролем империй Великих Моголов, Сефевидов и Узбекского ханства. Суфии и улемы из Герата, Кабула, Кандгара и Мазари-Шарифа свободно перемещались по религиозным центрам Бухары, Дели и Мешхеда и за их пределами, группы верующих совершали паломничество в Мекку, Стамбул и Иерусалим [Green 2017]. В эпоху Центральноазиатского ренессанса велось активное строительство мечетей, мавзолеев и мазаров, посвященных почитаемым исламским деятелям, что, в свою очередь, служило объединяющим культурным началом для исламского населения региона. По мере закрепления исламских норм в регионе современной Центральной Азии духовенство, занимающее официальные должности, распространило влияние на все слои населения, включая правителей: в частности, эмиры Бухары принимали решения, утвержденные религиозными декретами и одобрением улемов [Lipovsky 1996].

Институциональные основы понятия «религиозная дипломатия» были заложены гораздо позднее, когда в последней четверти XX в. на смену традиционным представлениям о классической межгосударственной дипломатии по образцу Вестфали пришли идеи о существовании альтернативных форм дипломатии, ее *многоуровневом* характере, включающем в себя внешнеполитические инициативы бизнеса, средств массовой информации, неправительственных организаций, а также религиозных организаций и деятелей [McDonald 2003].

Осознание важности религиозного фактора в политике усилилось после событий 11 сентября 2001 г., востребованность ресурсов религии в урегулировании конфликтов постепенно повышалась, увеличилась доля присутствия религиозных НПО и транснациональных религиозных организаций (например, Римско-Католической церкви) в зонах конфликта. В США был учрежден международный Центр религии и дипломатии (*International Center for Religion & Diplomacy*), специализирующийся на религиозном образовании государственных служащих и превентивной дипломатии в регионах, где религия является фактором кон-

фликта (Кашмир, Пакистан, Судан, Сирия, Афганистан). Центр работает на низовом уровне по противодействию религиозному и политическому экстремизму путем развертывания межрелигиозных групп действий в зонах потенциального конфликта [Корнійчук 2016].

Российский исследователь афганской проблематики Р.Р. Сикоев отмечает, что заметная роль мусульманского духовенства в общественно-политической жизни Афганистана обусловлена высокой интеграцией «религиозно-политических лидеров моджахедов» и чиновников с религиозным прошлым в афганский парламент, провинциальные советы и состав официального духовенства. Странники консервативного ортодоксального ислама и умеренная часть духовенства вступают в конкуренцию повсеместно в афганском обществе, катализируя обострение конфликта и фрагментацию общества. Консервативное духовенство обладает значительным влиянием на общество, опираясь на результаты «полевой» работы с населением в религиозных и светских школах, в мечетях в удаленных от центра страны районах [Сикоев 2006].

Основатель Центра религии и дипломатии и исследователь роли религии в международных отношениях Д. Джонстон полагает, что миротворческий потенциал, лежащий в основе всех основных мировых религий, может быть успешно использован для примирения сторон конфликта. Д. Джонстон и Б. Кокс выделяют четыре вида конфликтных ситуаций, в которых религиозная дипломатия может быть эффективной:

- 1) конфликты, «в которых религия является важным фактором идентичности конфликтующих сторон»;
- 2) в конфликтных ситуациях, «в которых религиозные лидеры могут быть мобилизованы для содействия миру»;
- 3) в ситуациях, в которых «две основные религиозные традиции [находятся] в конфликте и это выходит за рамки национальных границ»;
- 4) в «посредничестве третьей стороны в конфликте, где нет никакого конкретного религиозного измерения» [цит. по: Jodok 2008].

Эти же авторы выделяют четыре характеристики, определяющие возможности религии в контексте публичной дипломатии:

- 1) прочно утвердившееся и всепроникающее влияние в обществе;

2) наличие репутации аполитичной силы, направленной на преобразования;

3) наличие рычагов для примирения конфликтующих сторон;

4) способность религии мобилизовать поддержку мирного процесса на общинном, национальном и международном уровнях [цит. по: Religion and Public Diplomacy 2013: 1].

Упомянутые факторы говорят о значительном конфликторегулирующем потенциале религиозной дипломатии, ресурсы которой, по мнению российского исследователя Д.А. Леви, особенно значимы в тех обществах, где религия традиционно играет важную роль, конкурируя с государством в области пропаганды ценностей [Леви 2017]. В этом контексте Афганистан представляет собой интересный и актуальный пример влияния религиозной традиции на проведение внутренней и внешней политики.

Применение приведенной выше характеристики потенциала религиозной дипломатии к афганскому конфликту выявляет перспективность такого ее направления, как мобилизация религиозных деятелей для содействия налаживанию диалога между конфликтующими сторонами и привлечения поддержки мирного процесса в исламском мире. Представляется, что в контексте современной ситуации вокруг афганского урегулирования, когда инструменты и ресурсы классической дипломатии оказываются по ряду причин ограниченными/исчерпанными¹, использование альтернативных моделей внешнеполитического взаимодействия в виде «дипломатии улемов» становится перспективным направлением, заслуживающим отдельного изучения.

Политизация религии и предпосылки формирования «дипломатии веры» в Афганистане

В Афганистане ислам — неотъемлемый элемент жизни для подавляющего большинства населения — 80% афганцев являются суннитами ханафитского толка (наиболее либерального направления из четырех направлений суннизма), отдельные пуштунские племена относят себя к суфийским орденам *кадирийя* и *накибандийя*. Шиизм распространен среди хазарейцев, несколь-

ких таджикских кланов и некоторых пуштунских племен [Рашид 2003: 118]. По Конституции 2004 г. ислам признан государственной религией, обладающей главенствующей ролью в сферах законодательства², образования и идеологической работы с населением [Сикоев 2006]. Большая часть религиозных институтов в Афганистане не имеет официального статуса, они существуют в виде традиционных организационных форм. Местные советы (шурь и джирги), религиозные (образовательные) учреждения (мечети, медресе) и религиозные лидеры (муллы и улемы) и по сей день являются влиятельными силами в афганском обществе, претерпев меньшие потрясения в период гражданской войны, чем официальные государственные структуры.

Авторитет ислама, отсутствие доверия к политической власти и закрепившиеся в обществе традиционные нормы обусловили высокий уровень политизации ислама в Афганистане. Религиозные деятели традиционно использовали мечети и медресе в качестве трибун для политической пропаганды, мобилизации молодежи на участие в вооруженных действиях и комментирования социально-политических вопросов [Malaiz 2014]. В этих условиях, когда в упомянутых местах регулярного сбора населения можно было использовать влияние умеренных религиозных деятелей, первенство зачастую принадлежит радикальным экстремистским группировкам и их сторонникам в среде духовенства [Бахриев 2018].

Высокий уровень проникновения политики в сферу религии также отражается и в многообразии религиозных групп, которые подразделяются на сторонников реформ, проправительственных умеренных, консервативных традиционалистов и радикальных фундаменталистов. Так, муллы-наставники, «сопровождавшие афганца от рождения до смерти», в удаленных афганских селениях могли вести пропаганду нетерпимости и насилия, используя конфликтогенный потенциал политического ислама. Еще в начале XX в. английский исследователь А. Гамильтон на основе «полевых» исследований в Афганистане отмечал, что ислам и муллы — «единственный очаг, откуда могут подняться мятежные элементы» [цит. по:

¹ См.: Rafalovich I. Religion in Global Diplomacy // Diplomat. 05.08.2018. URL: <http://www.diplomatmagazine.nl/2018/08/05/42260/> (accessed: 22.01.2019).

² The Constitution of the Islamic Republic of Afghanistan. (Ratified) January 26, 2004. URL: <http://www.afghanembassy.com.pl/afg/images/pliki/TheConstitution.pdf> (accessed: 18.04.2019).

Сикоев 2004: 47]. В период активной фазы вооруженного конфликта в 1990-е гг. религиозные столкновения между суннитами-пуштунами и составляющими религиозное меньшинство шиитами катализировали процессы фрагментации общества. Таким образом, если в мирное время религиозные круги оставались в тени, то в периоды кризиса они становились силой, способной консолидировать общество против интервентов и «безбожного» правительства страны [Сикоев 2004: 47].

Особым авторитетом в афганском обществе обладают улемы, занимающие высшую ступень в иерархии религиозного духовенства. Их авторитет и привилегированное положение подкреплено дипломами медресе и ведущих исламских университетов. Изначально, будучи далекими от ассоциаций с политикой, улемы представляли собой круг специалистов в области религии, обладающих знаниями в сфере толкования священных текстов Корана и посланий Пророка (хадисов), а также интерпретации исламских законов (шариата). Исследователи вопроса отмечают, что отношения афганских правителей и улемов всегда испытывали на себе влияние зависимости и соперничества. Официальная власть стремилась укрепить собственную легитимность посредством религиозных декретов, издаваемых улемами. Национальный совет улемов, учрежденный в 1931 г., в свою очередь стал играть роль «группы давления» на государственную власть, продвигая собственные интересы и в то же время находясь в зависимости от правящего режима [Borchgrevink 2007: 29]. Институт улемов не является исключительно афганским явлением, подобные формы религиозной власти существуют и в других исламских культурах. Отдельные группы исламского духовенства (центральноазиатские ишаны и суфии) являются сторонниками *квитизма* — нормы поведения, предполагающей аполитичность, отрешенность от социальной жизни [Lacroix 2012].

Сегодня Совет улемов ИРА представляет собой влиятельный околоправительственный институт, обладающий полномочиями на издание декретов (фетв) по религиозным и общественно-политическим вопросам; среди недавних отмечают запреты на культивацию мака, террористические акты, использование алкогольной продукции и ряд других [Borchgrevink 2007: 28]. Совет также поддерживает контакты с исламскими общинами за рубежом и обладает полномочиями

на заключение межгосударственных соглашений с исламскими организациями других стран. В 2011 г. Совет муфтиев России и Совет улемов Афганистана заключили договор о сотрудничестве в области противодействия наркотрафику [Дьяконова 2013], такие соглашения на уровне неофициальной дипломатии способствуют укреплению двусторонних отношений Афганистана и Российской Федерации.

Влияние улемов распространяется также на сферы законотворчества и судопроизводства, они выступают в роли посредников между конфликтующими сторонами, опираясь на религиозные нормы в разрешении споров [Malaiz 2014]. Однако, по мнению исследователей афганского аналитического портала Afghanistan Analysts Network, деятельность афганских улемов характеризуется большей разобщенностью по сравнению с деятельностью их индонезийских и марокканских коллег; виной этому теологические различия и сложности выстраивания отношений между деобандийской, салафитской и шиитской школами. Кроме того, исследователи указывают на нехватку «институциональных возможностей», в связи с которыми миротворческие действия афганских улемов не получают должного освещения в СМИ и не известны населению [Kazemi Reza 2012].

Тем не менее, значимость религиозного фактора и проникновение религии во все сферы жизни афганского общества создает предпосылки для более активного привлечения афганских религиозных деятелей к реализации ключевых внутри- и внешнеполитических задач.

Непрекращающиеся боевые действия ДТ, направленные в том числе против гражданского населения и исламского духовенства, постепенно культивируют назревающий социальный протест внутри афганского общества, вспышки которого приводят к резонансным акциям. Так, в июне 2018 г. состоялась массовая кампания Совета афганских улемов, собравшая под своей эгидой около 3000 религиозных ученых, представляющих как суннитские, так и шиитские исламские школы³. Массовый характер данной акции в поддержку мирных переговоров между Кабулом и ДТ

³ См.: Yusufzai A. Taliban Fears Exposed as Afghan, Pakistani Ulema Plan Peace Conference // Saalam Times. 02.10.2018. URL: http://afghanistan.asia-news.com/en_GB/articles/cnmi_st/features/2018/10/02/feature-01 (accessed: 18.04.2019).

продемонстрировал пример скоординированной деятельности правящей власти и Совета улемов по прекращению огня. Вскоре после завершения кампании президент ИРА Ашраф Гани и «Талибан» объявили временное перемирие (трехдневное прекращение огня в честь праздника *Ид аль-Фитр*)⁴.

Деятельность Совета улемов по продвижению мирного процесса в ИРА не ограничилась акциями в пределах страны; параллельно афганские религиозные ученые выступили в качестве проводников курса афганского правительства на укрепление своих позиций в борьбе с ДТ в исламском мире.

В феврале 2018 г. на втором заседании Кабульского процесса⁵ президент ИРА А. Гани выступил с новым предложением о мире, включавшем предложение об открытии представительства ДТ в Кабуле и реабилитации умеренных талибов [Крашенинникова 2019], однако представители ДТ оставили данное предложение без официального ответа. Кабул, в свою очередь, инициировал поиск потенциальных международных посредников по достижению мирных переговоров с оппозицией. Контакты Совета улемов Афганистана с исламскими общинами Пакистана, Саудовской Аравии и Индонезии были призваны укрепить позиции официального Кабула, добиться единого осуждения деятельности талибов мировой исламской уммой. Удалось ли достигнуть поставленных задач афганскому правительству? На этот вопрос мы ответим далее.

Запретить джихад — возможно ли?

Общие идеологические истоки происхождения афганских и пакистанских религиозных учебных заведений, берущие начало в философии

⁴ См.: Kakar P.L. Afghanistan's Imams Helped Achieve a Surprise Truce // United States Institute of Peace. June 14, 2018. URL: <https://www.usip.org/publications/2018/06/afghanistans-imams-helped-achieve-surprise-truce> (accessed: 18.04.2019).

⁵ Кабульский процесс (КП) — международный формат сотрудничества по урегулированию кризиса, организуется Афганистаном с 2017 г. См.: The Kabul Process for Peace & Security Cooperation in Afghanistan Declaration. February 28, 2018 // The Embassy of Afghanistan in Washington, DC. URL: <https://www.afghanembassy.us/news/the-kabul-process-for-peace-security-cooperation-in-afghanistan-declaration/> (accessed: 14.03.2018).

деобандийской школы, заложили основу для налаженной системы взаимодействия улемов двух стран. Афганские религиозные ученые поддерживают контакты с пакистанскими улемами по широкому кругу вопросов в сфере культуры, образования и религии. Официальное правительство в Кабуле воспользовалось данной ситуацией с целью преодоления барьеров в процессе политического сближения с Пакистаном и поиска рычагов воздействия на ДТ извне. Вопрос, поднятый на повестку дня по инициативе Кабула, касался издания Высшим советом улемов Пакистана религиозного указа, посредством которого террористическая деятельность ДТ против легитимной власти была бы запрещена⁶. Предысторией данной инициативы является тот факт, что глава Совета улемов Пакистана Алам Тахир Ашрафи в 2013 г. издал фетву о законности террористической деятельности и джихада в Афганистане. Таким образом, афганское правительство через религиозный канал предприняло попытку убедить пакистанских улемов отказаться от религиозно-политической поддержки афганских талибов и лишить действия ДТ легитимности с точки зрения исламского права [Искандаров 2013].

Однако легитимизация деятельности ДТ с точки зрения религии является лишь одним аспектом проблемы афгано-пакистанских отношений [Hussain 2011: 11]. Остро стоит вопрос о поддержке Исламабадом и пакистанской разведкой (ISI) афганского подразделения ДТ и «Сети Хаккани», руководимых Шурой (верховный совет ДТ) в Кветте⁷. Тренировочные лагеря на афгано-пакистанской границе и пакистанские медресе многие годы являются идеологическими «кузницами» ДТ, пополняющими состав движения новыми кадрами [Mufti, Lamb 2012: 60]. Афганские талибы пользуются поддержкой среди своих пакистанских единомышленников. Так, например, религиозно-политическая партия «Джамият Улема-э-Ислам» (*Jamiat Ulema-e-Islam — JUI-F*)⁸ является последовательным сторонником

⁶ См.: Rana M.A. Challenge for the Ulema // Dawn. 23.09.18. URL: <https://www.dawn.com/news/1434497> (accessed: 25.01.2019).

⁷ Город в провинции Белуджистан (Пакистан), в котором находится штаб-квартира верховного совета (Шуры) движения «Талибан».

⁸ Партия исламских религиозных ученых Пакистана.

афганского ДТ. Лидер партии Фазл ур-Рахман неоднократно обвинялся в словесной поддержке джихада в Афганистане⁹.

Высший совет улемов Пакистана отказался от категоричных формулировок в отношении соседнего Афганистана, издав религиозный указ (Пайгам-и-Пакистан), носящий более общий характер антитеррористической направленности. Текст данной фетвы был подготовлен Международным исламским университетом и подписан 1800 учеными различных исламских школ. Фетва Пайгам-и-Пакистан определила джихад как сферу деятельности государства и внесла запрет на исполнение исламских законов с помощью применения силы кем-либо, кроме легитимной государственной власти¹⁰. Данная фетва не касалась напрямую деятельности афганских талибов¹¹.

С целью оказания давления на Пакистан и пакистанских богословов Афганистан активировал дипломатические каналы связи с другими мусульманскими странами для получения более категоричного религиозного декрета. По результатам Индонезия и Саудовская Аравия заявили о своей готовности инициировать более широкий религиозно-дипломатический процесс с участием афганских улемов для достижения консенсуса между религиозными учеными различных мусульманских стран.

Международные исламские конференции по Афганистану

Активное участие в налаживании религиозных связей приняла Индонезия, выступив посредником между политическим офисом ДТ в Дохе и Кабулом¹². При поддержке индонезийского правительства в мае 2018 г. в Джакарте состоялась международная исламская конференция с участии-

ем афганских, пакистанских и индонезийских улемов. По результатам трехсторонней конференции в Джакарте религиозные лидеры опубликовали совместную декларацию, в которой выразили поддержку предложению о мире, объявленному в феврале 2018 г. А. Гани, и настоятельно призвали талибов заключить мирное соглашение с афганским правительством¹³.

Однако необходимо отметить, что и при посредничестве Джакарты афганским улемам не удалось добиться согласия с пакистанскими религиозными деятелями по поводу оценки деятельности ДТ. «Талибан», в свою очередь, негативно отреагировал на попытки Кабула задействовать религиозные круги в кампании, направленной на дискредитацию его деятельности. В частности, в одном из заявлений, сделанных ДТ по поводу конференции в Индонезии, говорится: «Исламский эмират в очередной раз призывает истинных, независимых религиоведов Афганистана и Пакистана воздержаться от подобных встреч, чтобы не стать жертвой махинаций американских стражей и их спецслужб»¹⁴.

В июле 2018 г. при поддержке Организации исламского сотрудничества (ОИС) в Саудовской Аравии состоялась международная исламская конференция «Мир и стабильность в Афганистане», участие в которой приняли 200 делегатов из 57 государств, в том числе 108 улемов из 32 стран¹⁵. Афганистан представляла делегация из 36 улемов, которую возглавил Киямуддин Кашаф, председатель Совета улемов Афганистана.

По результатам двухдневного заседания, проходившего в Джидде и Мекке, участники приняли декларацию, призывающую участников афганского конфликта заключить перемирие и начать переговоры¹⁶. В декларации говорится: «Афгани-

⁹ См.: Ansar M. Anti-Terror Fatwa in Pakistan A Result of US Pressure // Tolonews, 17.01.2018.

URL: <https://www.tolonews.com/afghanistan/anti-terror-fatwa-pakistan-result-us-pressure-mps> (accessed: 18.04.2019).

¹⁰ См.: Rana M.A. Challenge for the Ulema // Dawn. 23.09.18. URL: <https://www.dawn.com/news/1434497> (accessed: 25.01.2019).

¹¹ Ibid.

¹² См.: Kakar P.L. Afghanistan's Imams Helped Achieve a Surprise Truce // United States Institute of Peace. June 14, 2018. URL: <https://www.usip.org/publications/2018/06/afghanistans-imams-helped-achieve-surprise-truce> (accessed: 18.04.2019).

¹³ См.: Habib Khan Y. Religious Diplomacy // The Nation. October 10, 2018. URL: <https://nation.com.pk/10-Oct-2018/religious-diplomacy> (accessed: 11.01.2019).

¹⁴ Yusufzai A. Taliban Fears Exposed as Afghan, Pakistani Ulema Plan Peace Conference // Saalam Times. 02.10.2018. URL: http://afghanistan.asia-news.com/en_GB/articles/cnmi_st/features/2018/10/02/feature-01 (accessed: 18.04.2019).

¹⁵ См.: Langari S.Z. Ulema at Saudi Summit Call on Taliban to End the War // TOLO news. July 11, 2018. URL: <https://www.tolonews.com/afghanistan/ulema-saudi-summit-call-taliban-end-war> (accessed: 11.01.2019).

¹⁶ Ibid.

стан — мусульманское государство. Его гражданами являются мусульмане, чья жизнь неприкосновенна... а акты терроризма... противоречат принципам и формальным учениям ислама»¹⁷. Президент А. Гани, в свою очередь, приветствовал усилия, предпринятые на конференции в Саудовской Аравии, и заявление улемов о том, что «война в Афганистане утратила свою легитимность»¹⁸. Конференция, однако, состоялась в отсутствие пакистанской делегации улемов, которые воздержались от участия под давлением ДТ, призвавшего религиозных ученых «воздерживаться от сотрудничества с американскими захватчиками»¹⁹.

Характеризуя инициативу Саудовской Аравии по проведению конференции исламских ученых, необходимо отметить, что ранее Эр-Рияд выступал в поддержку талибов, в 1992 г. признав провозглашенный ДТ «Исламский эмират Афганистан». Сегодня же Саудовская Аравия на официальном уровне поддерживает власть в Кабуле²⁰ и является одним из перспективных посредников между сторонами конфликта в силу наличия военных и дипломатических рычагов давления на ДТ²¹ и стабильного характера отношений с Исламабадом. В то же время инициативы Эр-Рияда обусловлены прагматичным характером его интересов в Афганистане — региональное противостояние и конкуренция с Ираном и Катаром, поддерживающими связи с афганским ДТ, являются

значимыми факторами для укрепления отношений с Кабулом.

Оценивая итоги конференции в Саудовской Аравии, пакистанские аналитики отмечают, что итоговая декларация конференции не содержала прямого упоминания ДТ²². По всей видимости, афганской делегации не удалось убедить участников конференции занять единую позицию по отношению к деятельности «Талибана». Соответственно, несмотря на позитивные оценки итогов конференции, цель, преследуемая афганским правительством, снова не была достигнута.

С октября 2018 г. по сентябрь 2019 г. состоялось девять раундов переговоров между представителями ДТ и американской делегацией во главе со спецпредставителем Вашингтона З. Халилзодом. Параллельно «прорывами» стали встречи талибской стороны с представителями Верховного совета мира в рамках московского формата в ноябре 2018 г. и в рамках неформальной конференции «Межафганский диалог» в феврале 2019 г.

Афганские улемы также принимали участие в переговорном процессе в составе группы представителей гражданского общества ИРА в рамках межафганского диалога, организованного при содействии Германии в Катаре в июле 2019 г. В состав делегации на переговорах с ДТ вошли 50 человек, включая высокопоставленных служащих, представителей гражданского общества, правозащитных организаций и членов политических партий. Присутствующие в составе делегации немногочисленные улемы представляли Высший совет мира — маулави Шифиулла Наристани, маулави Ата-ур-Рахман Салим и Национальный совет улемов — маулави Энайатулла Балик²³. По требованию ДТ участники делегации выступали в качестве частных лиц, а не как посланники афганского правительства²⁴. По словам одного

¹⁷ Saudi Conference and the Future of Peace in Afghanistan // Center for Strategic and Regional Studies. 14.07.2018. URL: <http://csrskabul.com/en/blog/saudi-conference-and-the-future-of-peace-in-afghanistan/> (accessed: 12.01.2019).

¹⁸ Danishjo K.M. Regional Efforts Grow for Afghan Peace // Institute for War & Peace Reporting. July 25, 2018. URL: <https://iwpr.net/global-voices/regional-efforts-grow-afghan-peace> (accessed: 11.01.2019).

¹⁹ Gul A. Taliban Urges Clerics Not to Attend Anti-Jihad Meeting // VoA News. 29.09.2018. URL: <https://www.voanews.com/a/taliban-urge-clerics-not-to-attend-anti-jihad-meeting/4592825.html> (accessed: 11.01.2019).

²⁰ См.: Danishjo K.M. Regional Efforts Grow for Afghan Peace // Institute for War & Peace Reporting. July 25, 2018. URL: <https://iwpr.net/global-voices/regional-efforts-grow-afghan-peace> (accessed: 11.01.2019).

²¹ См.: Шоде Д. Война в Йемене: почему Афганистан поддерживает Саудовскую Аравию // ИноСМИ.ру. 17.04.2015. URL: <https://inosmi.ru/world/20150417/227564270.html> (дата обращения: 27.01.2019).

²² См.: Rana M.A. Challenge for the Ulema // Dawn. 23.09.18. URL: <https://www.dawn.com/news/1434497> (accessed: 25.01.2019).

²³ См.: Ruttig E. What Came Out of the Doha intra-Afghan Conference? // Afghanistan Analysts Network. 11.07.2019. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/aan-qa-what-came-out-of-the-doha-intra-afghan-conference/> (accessed: 25.11.2019).

²⁴ См.: Афганское правительство определило состав делегации для переговоров с «Талибаном» // Afghanistan.ru. 31.07.2019. URL: <http://afghanistan.ru/doc/131184.html> (дата обращения: 25.11.2019).

из участников переговоров, Халида Нура, религиозные деятели, представлявшие Высший совет мира, в ходе переговоров выразили осуждение тактики талибов и подчеркнули необходимость двустороннего диалога с целью обсуждения разницы в понимании норм ислама²⁵.

Ограничения и возможности религиозной дипломатии в Афганистане

Заключительный период пребывания правительства А. Гани у власти перед президентскими выборами 2019 г. ознаменовался активным привлечением улемов к участию в международных мероприятиях по достижению мира в Афганистане. Религиозная дипломатия в Афганистане является одним из возможных инструментов «мягкосилового» решения афганского конфликта. Анализ возможностей прикладного применения данного феномена в контексте Афганистана выявил не только объективные ограничения, но и его потенциальные возможности и востребованность в будущем.

Во-первых, религиозные декреты, принятые на международных исламских конференциях в Индонезии и Саудовской Аравии, опирающиеся на идеи умеренного ислама и общечеловеческие ценности, не являются безусловно значимыми для радикальных сил. «Талибан» и «Сеть Хаккани» в определении своей позиции опираются на руководство Шуры в Кветте и собственные трактовки исламского вероучения. Они не признают авторитет фетв, составленных при прямом или косвенном содействии правительств, преследующих собственные интересы²⁶.

Во-вторых, несмотря на предпринятые афганским правительством усилия по организации исламских конференций, ключевая цель по достижению единодушного осуждения деятельности «Талибан» в исламском мире так и не была достигнута. Напротив, к 2018 г. позиции ДТ как одного из ключевых «переговорщиков» в афган-

ском урегулировании значительно окрепли, в то время как официальный Кабул, несмотря на принимаемые усилия, оказался фактически исключенным из переговорного процесса между США и «Талибаном» в Катаре, что негативно повлияло на его имидж накануне президентских выборов (сентябрь 2019 г.).

В-третьих, неурегулированные проблемы афгано-пакистанских отношений в целом негативно повлияли на результаты взаимодействия по религиозным каналам. Отсутствие готовности к компромиссам и открытому диалогу на уровне правительств Пакистана и Афганистана проявляется и на уровне нетрадиционной дипломатии. Рекомендательный характер религиозных декретов призван сблизить позиции сторон, обозначить точки соприкосновения исламских общин по ключевым вопросам, однако принятые религиозные декреты не могут обеспечить политические гарантии соблюдения границ и невмешательства в дела соседнего государства.

Вместе с тем, несмотря на декларативный характер религиозных декретов, использование религиозных каналов применительно к афганскому конфликту высветило ряд позитивных моментов, среди которых можно отметить благотворное влияние миротворческих инициатив на общественное сознание.

Во-первых, участие авторитетных, обладающих личностной харизмой религиозных деятелей в продвижении идей умеренного ислама в перспективе может содействовать снижению притока новобранцев в ряды радикальных сил, выступающих за продолжение «священной войны» против правительства ИРА²⁷. Деятельность афганских улемов в поддержку мира в целом способствовала снижению уровня напряженности и взаимного недоверия вокруг Афганистана. В настоящее время ситуация вокруг афганского урегулирования постоянно меняется. Так, в частности, еще в апреле 2019 г. появилась перспектива включения делегации, представляющей официальный Кабул, в процесс мирных консультаций в Дохе²⁸, которые проходили при участии афган-

²⁵ См.: Mohibi A. Exclusive Interview with Khalid Noor on Doha Peace Conference // Rise to Peace. URL: <https://www.risetopeace.org/2019/07/17/exclusive-interview-with-khalid-noor-on-doha-peace-conference/shah1505/> (accessed: 25.07.2019).

²⁶ См.: Botobekov U. Islam between Fatwa and Suicide Attack // Modern Diplomacy. 22.01.2018. URL: <https://modern diplomacy.eu/2018/01/22/islam-fatwa-suicide-attack/> (accessed: 12.03.2019).

²⁷ Ibid.

²⁸ См.: Afghan Delegation's Visit to Qatar Postponed, Likely Due to Taliban's Opposition // The Khaama Press. 18.04.2019. URL: <https://www.khaama.com/afghan-delegations-visit-to-qatar-postponed-likely-due-to-talibans-opposition-03746/> (accessed: 25.04.2019).

ского ДТ и США²⁹. Но в настоящее время меж-афганские переговоры в Катаре отложены на неопределенный срок. Что касается пакистанского вектора, то премьер-министр Пакистана Имран Хан заявил о всесторонней поддержке афганского мирного процесса и намерении Исламабада воздерживаться от участия во внутриафганском конфликте³⁰.

Во-вторых, фетвы, осуждающие террористические методы борьбы, провоцируют дискуссии между сторонниками умеренного ислама и радикальными силами, что в дальнейшем может повысить привлекательность политических, а не силовых форм борьбы за власть. Эволюция взглядов афганских радикальных сил может в дальнейшем способствовать превращению умеренного крыла движения «Талибан» в политическую партию по модели пакистанских религиозных партий. Подобный вариант развития событий является желаемым исходом для стран западной коалиции и США, однако тактические шаги «Талибан» являются сложно прогнозируемыми, поэтому перспектива появления ДТ на политическом ландшафте ИРА видится на данный момент отдаленной. Тем не менее позитивным шагом в сторону перемен служат первые встречи и обмена мнениями представителей ДТ и афганских улемов в рамках межафганских переговоров в Москве и Катаре.

В-третьих, участие в работе международных религиозных форумов призвано повысить ответственность стран — соседей ИРА за результаты борьбы против идеологии радикального исламизма, в частности прекратить практику скрытой

поддержки и финансирования вооруженных групп на афганской территории.

Заключение

Название одной из работ идеолога «дипломатии веры», американского дипломата Д. Джонстона гласит: «Религия является недостающим элементом управления государством». Данный принцип был взят на вооружение правительством Ашрафа Гани в целях достижения прагматичного национального интереса и обеспечения выживания политического режима. Исторически сложившаяся взаимозависимость института улемов и правящих режимов в Афганистане предопределили возможности для их сотрудничества в условиях кризиса.

Религиозная дипломатия в условиях афганского урегулирования представляется перспективным инструментом по «разрядке» международной напряженности и атмосферы недоверия вокруг Афганистана. Несмотря на ряд объективных ограничений, сдерживающих миротворческие инициативы афганских богословов, сотрудничество по религиозным каналам позволяет проецировать альтернативные варианты развития ситуации в Афганистане с отказом от вооруженных действий и закладывает основы для нового этапа политических шагов в сторону мирного переговорного процесса.

Разумеется, религиозная дипломатия не может одновременно разрешить все противоречия афганского конфликта, однако миротворческий потенциал религии должен и может быть успешно реализован в процессе мирного урегулирования. Представляется, что активность религиозных лидеров Афганистана по привлечению поддержки мировой афганской уммы является позитивным шагом в сторону большей «узнаваемости» Афганистана, афганской неофициальной дипломатии на международной арене, способствует укреплению международных связей ИРА и формированию позитивного имиджа страны в исламском мире и регионах.

Поступила в редакцию / Received: 08.08.2019
Принята к публикации / Accepted: 16.10.2019

Библиографический список

- Бахриев Б.Х.* Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов: возможности для Центральной Азии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2018. Т. 18. № 2. С. 189—194. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-189-194
- Генюш С.В.* Экспертная дипломатия: гражданское общество на службе внешней политики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2012. № 5 (25). С. 14—25.

- Дьяконова М.А. Конфессиональный фактор во внешней политике государства (на примере Афганистана) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (1). С. 364—368.
- Искандаров К. Фактор Пакистана в афганском конфликте // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 16. № 3. С. 96—111.
- Корнійчук Ю.Ю. Релігійна дипломатія: передумови становлення й теоретичні засади розвитку // Науковий часопис НПУ імені М. П. Драгоманова. Серія 7: Релігієзнавство. Культурологія. Філософія. 2016. Вип. 36 (49). С. 20—27.
- Крашенинникова Е. А. Афганистан: политика bitarafi уже не актуальна? // Азия и Африка сегодня. 2019. № 1. С. 58—63. DOI: 10.31857/S032150750003345-1
- Леви Д.А. «Дипломатия веры» как традиционный и новейший метод дипломатии // Scientific Vector of the Balkans. 2017. № 1. С. 31—34.
- Никитина Ю.А. Публичная дипломатия в работе межправительственных организаций: ОДКБ и ШОС // Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 112—127.
- Рашид А. Талибан. Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии. М.: Библион — Русская книга, 2003.
- Сиколев Р.Р. Мусульманское духовенство в общественно-политической жизни Афганистана // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 2 (44). С. 147—153.
- Сиколев Р.Р. Талибы: религиозно-политический портрет. М.: Институт востоковедения РАН, Издательство «Крафт+», 2004.
- Borchgrevink K. Religious Actors and Civil Society in post-2001 Afghanistan. International Peace Research Institute, Oslo (PRIO). November 2007. URL: <https://www.prio.org/utility/DownloadFile.ashx?id=425&type=publicationfile> (accessed: 30.04.2019).
- Curanovic A. The Religious Diplomacy of the Russian Federation. IFRI Russia — NIS Center. 2012. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifrirnr12curanovicreligiousdiplomacyjune2012.pdf> (accessed: 23.03.2019).
- Green N. Afghanistan's Islam: from Conversion to the Taliban. Oakland: University of California Press, 2017.
- Hussain Z. Sources of Tension in Afghanistan and Pakistan: A Regional Perspective. CIDOB Policy Research Project. December 2011. URL: [http://www.observatori.org/paises/pais_87/documentos/ZAHID_HUSSAIN\[1\].pdf](http://www.observatori.org/paises/pais_87/documentos/ZAHID_HUSSAIN[1].pdf) (accessed: 23.03.2019).
- Jodok T. Faith-Based Diplomacy under Examination // The Hague Journal of Diplomacy. 2008. No. 3. P. 209—231.
- Kazemi Reza S. The Challenge of Effectiveness: 'Pro-Peace' Ulama in Afghanistan // Afghanistan Analysts Network. July 2012. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/the-challenge-of-effectiveness-pro-peace-ulama-in-afghanistan/> (accessed: 23.07.2019).
- Lacroix S. Islamism and the Question of Religious Authority. Danish Institute for International Studies (DIIS). June 2012. URL: https://tuxdoc.com/download/543iteratu-and-the-question-of-religious-authority_pdf (accessed: 23.03.2019).
- Lipovsky I. The Awakening of Central Asian Islam // Middle Eastern Studies. 1996. Vol. 32. No. 3. P. 1—21.
- Malaiz D. The Political Landscape of Afghanistan and the Presidential Election of 2014. CIDOB Policy Research Project. February 2014. URL: https://www.cidob.org/en/publications/publication_series/stap_rp/policy_research_papers/the_political_landscape_of_afghanistan_and_the_presidential_election_of_2014 (accessed: 23.03.2019).
- Mapendere J. Track One and a Half Diplomacy and the Complementarity of Tracks // Culture of Peace Online Journal. 2005. Vol. 2. No. 1. P. 66—81. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/TrackOneandaHalfDiplomacy_Mapendere.pdf (accessed: 12.04.2019).
- McDonald John W. Multi-Track Diplomacy // *Beyond Intractability*. Ed. by G. Burgess, H. Burgess. Conflict Research Consortium, University of Colorado, Boulder, Colorado. September 2003. URL: <https://www.beyondintractability.org/essay/multi-track-diplomacy> (accessed: 23.03.2019).
- Mufti M., Lamb R. Religion and Militancy in Pakistan and Afghanistan. A Literature Review. Report of the CSIS Program on Crisis, Conflict and Cooperation. June 2012. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/120709_Mufti_ReligionMilitancy_Web.pdf (accessed: 23.03.2019).
- Religion and Public Diplomacy* / Ed. by P. Seib. NY: Palgrave Macmillan, 2013.

References

- Bakhriev, B.Kh. (2018). Public Diplomacy in Conflict Resolution: Solutions for Central Asia. *Izvestiya of Saratov University (New Series), Series: Sociology. Politology*, 18 (2), 189—194. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-189-194 (In Russian).
- Borchgrevink, K. (2007). *Religious Actors and Civil Society in post-2001 Afghanistan*. International Peace Research Institute, Oslo (PRIO). November. URL: <https://www.prio.org/utility/DownloadFile.ashx?id=425&type=publicationfile> (accessed: 30.04.2019).
- Curanovic, A. (2012). The Religious Diplomacy of the Russian Federation. IFRI Russia — NIS Center. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifrirnr12curanovicreligiousdiplomacyjune2012.pdf> (accessed: 23.03.2019).

- Dyakonova, M.A. (2013). Confessional Factor in a State's Foreign Policy (Based on the Example of Afghanistan). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 6 (1), 364—368. (In Russian).
- Geniush, S.V. (2012). Expert Diplomacy: Civil Society Serving the Foreign Policy. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 5 (25), 14—25. (In Russian).
- Green, N. (2017). *Afghanistan's Islam: from Conversion to the Taliban*. Oakland: University of California Press.
- Hussain, Z. (2011). *Sources of Tension in Afghanistan and Pakistan: A Regional Perspective*. CIDOB Policy Research Project. December. URL: [http://www.observatori.org/paises/pais_87/documentos/ZAHID_HUSSAIN\[1\].pdf](http://www.observatori.org/paises/pais_87/documentos/ZAHID_HUSSAIN[1].pdf) (accessed: 23.03.2019).
- Iskandarov, K. (2013). The Pakistani Factor in the Afghan Conflict. *Central Asia and the Caucasus*, 14 (3), 83—96.
- Jodok, T. (2008). Faith-Based Diplomacy under Examination. *The Hague Journal of Diplomacy*, 3, 209—231.
- Kazemi Reza, S. (2012). *The Challenge of Effectiveness: 'Pro-Peace' Ulama in Afghanistan*. Afghanistan Analysts Network. July. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/the-challenge-of-effectiveness-pro-peace-ulama-in-afghanistan/> (accessed: 23.07.2019).
- Korniichuk, Iu. (2016). Religious Diplomacy: Prerequisites to Development and Theoretical Foundations. *Scientific Journal of National Pedagogical Dragomanov University. Series 7: Religious Studies. Culturology, Philosophy*, 36 (49), 20—27. (In Ukrainian).
- Krasheninnikova, E.A. (2019). Afghanistan: Bitarafi Policy Is No Longer Relevant? *Asia and Africa today*, (1), 58—63. DOI: 10.31857/S032150750003345-1 (In Russian).
- Lacroix, S. (2012). *Islamism and the Question of Religious Authority*. Danish Institute for International Studies (DIIS). June. URL: https://tuxdoc.com/download/544iteratu-and-the-question-of-religious-authority_pdf (accessed: 23.03.2019).
- Levi, D.A. (2017). Faith Diplomacy: Finding Space for Traditional and New Methods for Diplomacy, *Scientific Vector of the Balkans*, 1, 31—34. (In Russian).
- Lipovsky, I. (1996). The Awakening of Central Asian Islam. *Middle Eastern Studies*, 32 (3), 1—21.
- Malaiz, D. (2014). *The Political Landscape of Afghanistan and the Presidential Election of 2014*. CIDOB Policy Research Project. February. URL: https://www.cidob.org/en/publications/publication_series/stap_rp/policy_research_papers/the_political_landscape_of_afghanistan_and_the_presidential_election_of_2014 (accessed: 23.03.2019).
- Mapendere, J. (2005). Track One and a Half Diplomacy and the Complementarity of Tracks. *Culture of Peace Online Journal*, 2 (1), 66—81. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/TrackOneandaHalfDiplomacy_Mapendere.pdf (accessed: 12.04.2019).
- McDonald, John W. (2003). Multi-Track Diplomacy. In: Burgess, G. & Burgess, H. (Eds.). *Beyond Intractability*. Conflict Research Consortium, University of Colorado, Boulder, Colorado. September. URL: <https://www.beyondintractability.org/essay/multi-track-diplomacy> (accessed: 23.03.2019).
- Mufti, M. & Lamb, R. (2012). *Religion and Militancy in Pakistan and Afghanistan. A Literature Review*. Report of the CSIS Program on Crisis, Conflict and Cooperation. June. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/120709_Mufti_ReligionMilitancy_Web.pdf (accessed: 23.03.2019).
- Nikitina, Y.A. (2017). Public Diplomacy in the Activity of Intergovernmental Organizations: CSTO and SCO. In: Lebedeva, M.M. (Eds.). *Public Diplomacy: Theory and Practice*. Moscow: Aspect Press publ. P. 112—127. (In Russian).
- Rashid, A. (2003). *Taliban: Islam, Oil and the New Great Game in Central Asia*. Moscow: Biblion — Russian book publ. (In Russian).
- Seib, P. (Eds.). (2013). *Religion and Public Diplomacy*. NY: Palgrave Macmillan.
- Sikoev, R.R. (2004). *Taliban: Religious and Political Portrait*. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS, "Kraft+" publ. (In Russian).
- Sikoev, R.R. (2006). Muslim Clergy in the Social and Political Life of Afghanistan. *Central Asia and the Caucasus*, 2 (44), 147—153. (In Russian).

Сведения об авторе: Крашенинникова Елена Андреевна — аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России (e-mail: eakrasheninnikova@gmail.com).

About the author: Krasheninnikova Elena Andreevna — postgraduate student, World Politics Department, MGIMO University (e-mail: eakrasheninnikova@gmail.com).